

КИРА МОНРО

ОДНАЖДЫ
В
ВЕГАСЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Кира Монро
Однажды в Вегасе

«Автор»

2026

Кира Монро

Однажды в Вегасе / Кира Монро — «Автор», 2026

Что делать, если за четыре месяца до свадьбы выясняется, что ты уже восемь лет замужем? Николь Джонстон собиралась выйти за мужчину, с которым всё казалось надёжным и правильным, сыграть идеальную свадьбу и наконец поверить, что её жизнь сложилась именно так, как она мечтала. Но один звонок адвоката разрушил тщательно выстроенные планы: брак, заключённый восемь лет назад в Лас-Вегасе и давно забытый Николь, всё ещё действителен. Теперь у неё есть жених в Сиэтле, законный муж в Нью-Йорке и совсем немного времени, чтобы разобраться с прошлым, прежде чем оно уничтожит её будущее. План прост: прилететь к Джейку Брауну, получить его подпись, оформить развод и навсегда закрыть эту историю. Только за восемь лет Джейк перестал быть случайной ошибкой. Рядом с ним Николь всё чаще вспоминает себя прежнюю — ту, которая ещё не пыталась жить правильно и соответствовать чужим ожиданиям. Иногда случайный брак оказывается честнее идеальной помолвки.

© Кира Монро, 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1	6
ГЛАВА 2	15
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Кира Монро Однажды в Вегасе

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Эта книга является художественным произведением. Все персонажи, события и организации вымышлены, а возможные совпадения с реальностью случайны.

ГЛАВА 1

BANKS — Before I Ever Met You

Ещё в шесть вечера моя жизнь выглядела так, будто её собрали по инструкции для взрослой и успешной женщины.

На кухонном столе стояла бутылка белого вина, рядом лежали образцы свадебных приглашений, а раскрытый ноутбук Эндрю светился таблицей с бюджетом. Между тарелками с пастой и салатом из рукколы были разложены журналы с платьями, цветочными арками и безупречно счастливыми женщинами. Ни одна из них, судя по лицам, никогда не просыпалась в Лас-Вегасе с кольцом на пальце и провалом в памяти.

Я сидела босиком на высоком стуле у кухонного острова, в мягком бежевом свитере и домашних брюках. Волосы я кое-как собрала на затылке и пыталась понять, насколько сильно меня волнует разница между белым, молочным и оттенком шампанского.

— Это всё белый, — сказала я, разглядывая три карточки с образцами бумаги. — Просто один называется нормальным словом, а другой так, чтобы за него можно было взять вдвое дороже.

Эндрю поднял взгляд от ноутбука и улыбнулся. У него была спокойная, аккуратная улыбка человека, который умел держать свою жизнь в порядке и искренне не понимал, почему остальные не могут поступать так же.

— Твоя мама сказала, что оттенок шампанского выглядит дороже.

— Моя мама ещё сказала, что, если мы не пригласим тётю Патрисию, она будет плакать до Пасхи.

— Значит, пригласим тётю Патрисию.

— Она однажды пришла на день рождения моего отца со своим контейнером курицы, потому что не доверяет ресторанной птице.

Эндрю задумался всего на секунду.

— Посадим её рядом с моим отцом. Его такими людьми не напугаешь.

Я рассмеялась и потянулась за бокалом.

С Эндрю всё было именно так: спокойно, предсказуемо, без резких поворотов. Любую проблему он умел превратить в понятную задачу. Мама настаивает на тётю Патрисию — добавим ещё одно место. Свадебный бюджет снова вырос — сократим расходы на цветы. Николь нервничает из-за работы — закажем ужин, откроем вино и спокойно всё обсудим.

Когда-то я влюбилась в него именно за это. По крайней мере, мне нравилось так думать.

— Завтра нужно подтвердить площадку, — сказал Эндрю и снова посмотрел в ноутбук. — И я бы хотел, чтобы мы наконец выбрали фотографа. У второго портфолио лучше, но первый быстрее отвечает на письма.

Я отложила образцы приглашений.

— Мы выбираем фотографа или человека, который будет вести переговоры по освобождению заложников?

— У хорошего фотографа должны быть навыки и того, и другого.

— Справедливо.

Я отпила вина и посмотрела на Эндрю поверх бокала.

Он был красив той спокойной, понятной красотой, которая нравилась родителям, коллегам и женщинам, уставшим от хаоса. Светлые волосы, чисто выбритое лицо, аккуратная рубашка с расстёгнутой верхней пуговицей, часы дороже моей первой машины. Рядом с такими мужчинами официанты становились внимательнее, банковские консультанты улыбались охотнее, а моя мать однажды отвела меня на кухню и с облегчением прошептала:

— Вот он — нормальный.

После Вегаса и одного очень громкого утреннего крика это слово и правда казалось благословением.

— Ты опять куда-то ушла, — заметил Эндрю.

Я моргнула.

— Нет. Просто пытаюсь понять, почему «цвет шампанского» стоит дороже, хотя самого шампанского нам не дадут.

Он усмехнулся и взял меня за руку. Бриллиант на пальце блеснул под мягким светом подвесных ламп — холодный, чистый, безупречный. Эндрю выбрал кольцо сам, но подошёл к этому так, будто заранее изучил рынок: идеальная огранка, правильный размер, ничего слишком вызывающего и ничего слишком скромного. Оно всем своим видом сообщало, что мужчина, который его купил, знает, чего хочет, и относится к будущему браку со всей серьёзностью.

Глядя на это кольцо, я должна была чувствовать только радость. Обычно так и было.

— Через четыре месяца ты станешь миссис Алпин, — сказал Эндрю.

Я улыбнулась.

— Значит, меня наконец примут в закрытый клуб.

— Очень закрытый. Там требуют вовремя оплачивать счета, не оставлять обувь у дивана и помнить, где лежат запасные фильтры для кофемашины.

— Тогда меня выгонят в первую же неделю.

— Я попрошу дать тебе испытательный срок.

Я рассмеялась, но внутри что-то едва заметно дрогнуло. За те годы, что мы были вместе, я действительно стала аккуратнее и собраннее. Большие не оставляла чашки на подоконнике, не бросала серьги возле раковины, не заказывала острую еду среди ночи и не включала музыку так громко, чтобы соседи успевали выучить мой плейлист.

Наверное, это и называлось взрослением.

Телефон завибрировал на столе и сдвинул край свадебного журнала.

Я взглянула на экран. Незнакомый номер с кодом Сиэтла.

— Кто это? — спросил Эндрю.

— Не знаю. Может, с работы.

— В семь вечера?

— Ты сам собираешься писать фотографию в семь вечера.

— Это другое. Это свадьба.

Я улыбнулась и ответила на звонок, заранее приготовившись услышать о срочной правке макета, презентации для совета директоров или о какой-нибудь мелочи, которую нужно быстро согласовать. В переводе с корпоративного языка это обычно означало несколько часов переписки.

— Николь Джонстон, слушаю.

— Мисс Джонстон? Добрый вечер. Меня зовут Марк Хэнли, юридическая фирма «Хэнли и Прайс». Мы проверяем документы для вашего брачного договора.

Я выпрямилась.

— Да, конечно. Добрый вечер.

Эндрю оторвался от ноутбука.

— В ходе проверки возникло одно обстоятельство, которое лучше обсудить сразу, — продолжил адвокат.

Он говорил вежливо и сдержанно, но каждое слово произносил с особой осторожностью. Так обычно разговаривали люди, которым предстояло сообщить неприятную новость, сохранив при этом профессиональный тон.

Я поставила бокал на стол.

— Какое обстоятельство?

В трубке зашептели бумаги.

— При проверке вашего семейного положения мы обнаружили запись о ранее заключённом браке.

Я посмотрела на образцы приглашений, разложенные передо мной. Смысл сказанного дошёл не сразу.

— Простите?

Пальцы Эндрю замерли над клавиатурой.

— В реестре зарегистрирован брак, заключённый восемь лет назад в Лас-Вегасе, штат Невада, — повторил адвокат. — Между Николь Джонстон и Джейком Брауном.

Холодильник негромко загудел, но я не сразу поняла, откуда доносится этот звук. В ушах шумела кровь, и привычные звуки квартиры вдруг стали далёкими.

Джейк Браун.

Я не забыла это имя. Оно просто много лет не появлялось в моей жизни, потому что та история считалась законченной. Ошибкой, которую исправили ещё до того, как я успела по-настоящему испугаться её последствий.

— Этого не может быть, — произнесла я.

Эндрю медленно закрыл ноутбук.

— Николь?

Я подняла руку, прося его подождать, хотя сама уже с трудом понимала, что происходит.

— Брак аннулировали, — сказала я адвокату. — Почти сразу, через несколько дней. Отец нашёл юриста и занимался документами. Всё было закончено.

— Я понимаю. В реестре действительно указано, что процедура аннулирования была начата. Однако окончательного решения суда нет. По всей видимости, дело так и не довели до конца.

— Нет, — слишком быстро возразила я. — Наверняка это ошибка в системе.

— Такая вероятность есть, поэтому я и связался с вами. Но на данный момент по официальным данным вы всё ещё состоите в браке с мистером Брауном.

Эндрю тихо выдохнул. Его ладонь всё ещё лежала на закрытом ноутбуке, а взгляд был прикован ко мне.

Я опустила глаза на бокал. По внутренней стенке медленно сползала капля вина.

— Вы уверены?

Вопрос был бессмысленным. Юристы не звонили вечером, чтобы предположительно разрушить чужую жизнь.

— К сожалению, да. Нам придётся связаться с мистером Брауном, запросить материалы дела в Неваде и выяснить, можно ли завершить процедуру аннулирования. Если это невозможно, потребуются оформлять развод.

Развод.

Это слово никак не вязалось с той ночью. С шумным баром, слепящим светом и дешёвым кольцом, которое наутро казалось реквизитом из неудачной комедии.

— У вас есть его контакты? — спросила я.

— Мы нашли его актуальный адрес в Нью-Йорке, но пока с ним не связывались. Я счёл правильным сначала сообщить об этом вам.

Нью-Йорк. Конечно. Почему бы моему случайному мужу не жить на другом конце страны?

— Пришлите мне всё, что у вас есть, — сказала я. — На почту. Прямо сейчас.

— Конечно. И всё же я рекомендую вам не предпринимать никаких действий до консультации.

Я едва не рассмеялась.

Поздно, мистер Хэнли. Похоже, некоторые поспешные решения просто умеют ждать восемь лет, прежде чем напомнить о себе.

— Я поняла, — ответила я и завершила звонок.

Телефон остался у меня в руке. Экран погас, и в чёрном стекле отразилось моё лицо — бледное, застывшее, с непривычно широко раскрытыми глазами.

Эндрю молчал несколько секунд.

— Что это было? — наконец спросил он.

Я медленно положила телефон на стол.

— Какая-то ошибка.

— Николь.

Он произнёс моё имя спокойно, но я сразу поняла, что отделаться этим объяснением не получится.

Я сглотнула.

— Восемь лет назад я была в Лас-Вегасе. Мы поехали туда с подругами на несколько дней. Хотели отдохнуть от учёбы, работы и вообще от необходимости принимать разумные решения. Я напилась. Очень сильно. А утром проснулась в гостиничном номере рядом с парнем.

Лицо Эндрю почти не изменилось, только плечи напряглись.

— С Джейком Брауном, — произнёс он.

Это был не вопрос.

Я кивнула.

— У нас были кольца и свидетельство о браке. Я почти ничего не помнила. Он, кажется, тоже. Мы оба были в шоке. Я позвонила отцу, он прилетел, нашёл адвоката и занялся документами. Мне сказали, что брак аннулируют. Я была уверена, что на этом всё закончилось.

Эндрю откинулся на спинку стула и долго смотрел на меня. В его взгляде появилось что-то настороженное, будто за несколько минут я успела стать человеком, которого он знал гораздо хуже, чем думал.

— Ты была замужем.

— Я думала, что нет.

— Но ты была.

— Формально, как выяснилось, да. Но я правда не знала, Эндрю.

— Ты собиралась выйти за меня замуж и ни разу не проверила, свободна ли юридически?

Он не повысил голос, но от этого вопрос прозвучал ещё тяжелее.

Я открыла рот и тут же закрыла. Возразить было нечего. Со стороны всё выглядело именно так: невеста, свадебные журналы, четыре месяца до церемонии — и муж, о существовании которого жених узнаёт случайно.

— Это всплыло именно потому, что мы начали оформлять документы, — сказала я. — Я ничего от тебя не скрывала. Если бы я хотела скрыть, то не стала бы

— Не надо, — перебил он.

Я замолчала.

Эндрю провёл ладонью по лицу. Этот жест совсем ему не подходил. Обычно он поправлял манжету, снимал часы перед сном, закрывал ноутбук, когда разговор был закончен. Даже раздражение у него выглядело собранным. Сейчас в нём впервые за долгое время появилось что-то растерянное, и от этого мне стало ещё хуже.

— Почему ты никогда мне не рассказывала?

— Потому что мне было стыдно. Это случилось восемь лет назад, и я была уверена, что всё давно закончилось. Я не хотела тащить эту историю в нашу жизнь.

— Но она всё равно сюда пришла.

Он посмотрел на стол. Вино, журналы, образцы приглашений, карточки с оттенками бумаги — ещё несколько минут назад всё это казалось важным.

— Я всё исправлю, — сказала я.

— Как?

— Поговорю с адвокатом. Полечу в Нью-Йорк, если понадобится. Найду Джейка, получу его подпись и подам на развод. Я сделаю всё, что потребуется.

— Ты говоришь так, будто задержали доставку цветов.

— А как мне говорить?

Я ответила резче, чем собиралась. Эндрю поднял на меня взгляд, и я сразу пожалела о своём тоне.

— Прости, — сказала я тише. — Я просто тоже не понимаю, как это могло случиться.

Он кивнул, но не подошёл ко мне. Не взял за руку, не сказал, что мы со всем разберёмся. Наверное, сейчас он и не был обязан меня утешать.

— Мне нужно немного времени, — произнёс Эндрю.

— Эндрю

— Я не уйду. Просто не могу сидеть здесь и обсуждать приглашения, пока моя невеста по закону замужем за другим мужчиной.

Слово «невеста» прозвучало непривычно тяжело.

Он поднялся, взял со стола телефон и направился к двери.

— Ты куда?

— Пройдусь.

Дверь за ним закрылась тихо. Лучше бы он хлопнул ею, разозлился, сказал что-нибудь резкое. С этой сдержанной тишиной я не знала, что делать.

Я осталась сидеть за кухонным островом перед тремя образцами белой бумаги и бокалом вина, к которому больше не хотелось прикасаться. Несколько минут я смотрела на дверь, надеясь услышать поворот ключа. Представляла, как Эндрю вернётся, сядет напротив и скажет, что нам нужно спокойно во всём разобраться.

Но за дверью было тихо.

Телефон снова завибрировал. На этот раз пришло письмо от адвоката.

Я открыла вложения дрожащими пальцами. Запись о регистрации брака, номер лицензии, дата, округ Кларк. Моё имя стояло рядом с именем Джейка Брауна, и от одного этого становилось не по себе. Восемь лет назад эта бумага казалась нелепой случайностью, которую можно исправить несколькими подписями. Теперь она выглядела вполне официально.

В конце письма был указан адрес Джейка. Нью-Йорк.

Я закрыла документ и позвонила отцу. Он ответил после четвёртого гудка.

— Никки?

Так он называл меня, когда я балела, плакала или слишком старательно делала вид, что всё в порядке. Видимо, последнее он умел распознавать даже по телефону.

— Пап, мне только что звонил адвокат.

На другом конце линии повисла пауза. Отец всегда понимал, что случилось что-то плохое, ещё до того, как я успевала объяснить.

— Что произошло?

Я сжала телефон крепче.

— Мой брак с Джейком Брауном не аннулировали.

На другом конце снова стало тихо.

— Что?

— Я всё ещё замужем.

— Нет. Этого не может быть.

— Я сказала то же самое. Ничего не изменилось.

Отец выругался вполголоса. Для Дэвида Джонстона, бывшего юриста и человека, который извинялся перед официантами за чужую грубость, это было почти равносильно истерике.

— Я разговаривал с Келлером, — сказал он. — Он уверял меня, что документы поданы и остаётся только дождаться решения. Я тогда

— Пап.

Он замолчал.

— Ты не виноват, — сказала я, хотя сама ещё не успела понять, действительно ли так думаю.

— Я должен был всё проверить.

— Мне тоже следовало проверить.

— Тебе было двадцать. Ты была напугана.

— И поэтому позволила взрослым всё решить за меня.

Слова вырвались раньше, чем я успела их обдумать. Я не пыталась обвинить отца, но впервые ясно увидела, как легко тогда передала ему всю ответственность и больше ни разу не спросила, чем закончилась эта история.

Отец тяжело вздохнул.

— Я хотел защитить тебя.

— Я знаю.

И я действительно знала. Он прилетел без лишних вопросов, забрал меня из отеля, нашёл адвоката, всё оплатил и сообщил маме, что ситуация под контролем. Тогда я была ему благодарна. Мне хотелось как можно скорее забыть ту ночь и вернуться к прежней жизни, поэтому я с готовностью поверила, что кто-то уже исправил мою ошибку.

— Что ты собираешься делать? — спросил он.

Я снова посмотрела на адрес в письме.

— Поеду к нему.

— Николь, не спеши. Я могу связаться с адвокатом, мы найдём

— Нет, пап.

Слово прозвучало твёрже, чем я ожидала.

— Это мой брак, моя ошибка и моя жизнь. Я сама должна с ним поговорить.

Несколько секунд отец молчал.

— Ты уверена?

Нет.

— Да.

Закончив разговор, я позвонила Саре. Она ответила почти сразу; на заднем плане шумела вода.

— Если это не пожар, говори быстро. Я в маске для лица и выгляжу как человек, которого только что вытащили из болота.

— Я всё ещё замужем.

Вода перестала шуметь.

— Что?

— Брак в Вегасе не аннулировали. Все эти восемь лет я была замужем за Джейком Брауном.

На другом конце повисла тишина. Я почти видела, как Сара медленно снимает маску и садится на край ванны.

— То есть, — произнесла она наконец, — у тебя жених в Сиэтле и муж в Нью-Йорке?

— Сара.

— Я просто пытаюсь оценить масштаб и географию катастрофы.

Я закрыла глаза и впервые за вечер едва не рассмеялась.

— Эндрю ушёл прогуляться.

— Ох.

— Именно.

— Он кричал?

— Нет. Он был очень спокойным.

— Тогда действительно плохо. Такого пункта в его плане точно не было.

— Не начинай.

— Я и не начинаю. Я тебе сочувствую. Просто у моей нервной системы сарказм включается раньше, чем нормальная реакция.

Я опустилась на диван и поджала под себя ноги.

— Я лечу в Нью-Йорк.

— Когда?

— Завтра. Или сегодня ночью, если найду билет.

— Ты уверена, что не хочешь сначала поспать, поговорить с адвокатом, прежде чем принимать решения, пока у тебя вся жизнь летит к чертям?

— Если я останусь здесь, то сойду с ума. Мне нужно увидеть Джейка, понять, что он знает, получить подпись и закончить эту историю.

— Конечно, — протянула Сара. — Ты едешь исключительно за подписью.

— Именно.

— И тебе совсем не интересно, каким он стал?

— Нет.

Она помолчала.

— Ты слишком быстро ответила.

— Я помолвлена.

— Я помню. У тебя даже есть три оттенка белого, из которых нужно выбрать один.

— Это не смешно.

— Немного смешно. И очень плохо, — добавила она уже серьезнее. — Ник, я не собираюсь отговаривать тебя. Поезжай, раз считаешь, что так будет лучше. Только не делай вид, что едешь к постороннему человеку поставить подпись на бумаге. Это Джейк. Ты когда-то вышла за него замуж.

— Я была пьяна.

— Но он от этого не перестал быть человеком из твоего прошлого.

Я посмотрела на свою руку. Кольцо Эндрю спокойно блестело на пальце. Красивое, безупречное и совершенно ни в чём не виноватое.

— Я люблю Эндрю, — сказала я.

— Я знаю.

— Тогда почему мне кажется, что я уже его предала, хотя ещё даже не купила билет?

Сара выдохнула.

— Потому что иногда тебе становится стыдно ещё до того, как ты успела сделать что-то плохое.

Я ничего не ответила. Именно поэтому Сара была хорошим психологом и совершенно невыносимой подругой в минуты кризиса: она всегда находила слова, после которых становилось только труднее врать самой себе.

Через час я купила билет на утренний рейс до Нью-Йорка.

Эндрю вернулся ближе к полуночи. Я услышала, как открылась входная дверь, как он снял обувь и повесил пальто. В любой другой вечер я вышла бы к нему, обняла и спросила, где он был. Возможно, пошутила бы, что мы ещё можем выбрать цвет шампанского и сделать вид, будто наша жизнь по-прежнему состоит только из свадебных расходов и странных родственников.

Но я осталась на кровати. Ноутбук лежал у меня на коленях, на экране был открыт электронный билет.

Эндрю остановился в дверях спальни.

— Ты уже купила билет?

— Да. Вылет утром.

— Быстро.

— Я не хочу тянуть.

Он кивнул. Лицо снова стало спокойным и непроницаемым. Я знала это выражение: Эндрю надевал его, когда понимал, что сейчас лучше ничего не говорить, иначе можно сказать лишнее.

— Напиши, когда приземлишься, — произнёс он. — И сообщи, как только что-нибудь выяснится с документами.

Даже сейчас он не переставал обо мне беспокоиться. Просто в его заботе появилась дистанция, которой раньше между нами не было.

— Хорошо.

Он подошёл к шкафу, достал чистую футболку, но закрывать дверцу не стал.

— Николь.

Я подняла глаза.

— Ты правда ничего к нему не чувствуешь?

Он спросил тихо, без обвинения, и от этого ответить оказалось ещё сложнее.

— Я не видела его восемь лет.

— Это не ответ.

Я закрыла ноутбук и положила его рядом.

— Я не знаю Джейка, Эндрю. У меня осталось его имя, несколько обрывков той ночи и утро, которое я много лет старалась не вспоминать. Больше ничего.

Он долго смотрел на меня, пытаясь понять, можно ли этому верить.

— Хорошо, — сказал он наконец.

Но легче от этого не стало. Он не поверил и не простил меня. Он просто решил пока больше не спрашивать.

Утром я ехала в аэропорт одна.

Эндрю заказал мне машину. Так он поступал всегда, когда считал что-то правильным, даже если был слишком зол или растерян, чтобы говорить об этом.

В салоне пахло кожей и кофе, оставшимся от предыдущего пассажира. За окном тянулся серый, влажный, ещё не проснувшийся Сиэтл. Я держала сумку на коленях крепче, чем было нужно, хотя внутри лежали всего лишь документы, ноутбук и смена одежды на несколько дней.

В аэропорту я зарегистрировалась на рейс, купила кофе и сделала всего пару глотков. Потом села у окна в зоне ожидания и снова открыла сообщение от Эндрю:

«Напиши, когда приземлишься. И когда будет ясно по документам».

Я перечитала его несколько раз.

Он злился, и у него были для этого причины. На его месте я, возможно, вообще не стала бы ничего писать. И всё же от этой сдержанной вежливости становилось больше, чем от любой ссоры.

Когда объявили посадку, я поднялась, поправила ремень сумки и вместе с остальными пассажирами направилась к выходу. Моё место оказалось у окна. Рядом устроилась женщина лет пятидесяти с вязанием в руках и открытым, доброжелательным лицом. Она улыбнулась мне, не подозревая, что летит рядом с женщиной, у которой остался жених в Сиэтле и обнаружился муж в Нью-Йорке.

— *Пожалуйста, выключите телефон или переведите его в режим полёта, —* попросила бортпроводница.

Я кивнула и в последний раз посмотрела на экран. Письмо адвоката, адрес Джейка и сообщение Эндрю. Ещё вчера ни одного из этих пунктов не существовало в моей жизни.

Я включила режим полёта и убрала телефон в сумку.

Самолёт вырвался на взлётную полосу. За иллюминатором дрогнули здания терминала, мокрый асфальт и огни, расплывшиеся в утренней серости. Я повторяла себе, что всё достаточно просто. Мне нужно прилететь в Нью-Йорк, поговорить с Джейком Брауном, получить его подпись и вернуться к жизни, которую я выбрала.

Через несколько дней эта история должна была закончиться.

Когда самолёт оторвался от земли, я закрыла глаза и впервые за восемь лет произнесла его имя про себя, не пытаясь сразу отогнать воспоминание.

Джейк Браун. Мой муж.

Я летела в Нью-Йорк, чтобы развестись с ним. Всё остальное не имело значения.

ГЛАВА 2

BANKS— WaitingGame

К тому моменту, когда самолёт начал снижаться, я успела придумать семь вариантов первой фразы для Джейка Брауна и отвергнуть каждый.

«Привет, кажется, мы всё ещё женаты» звучало слишком бодро для женщины, чья настоящая свадьба внезапно оказалась под вопросом.

«Нам нужно поговорить» больше подходило для расставания, хотя мы с Джейком никогда не были парой. Если не считать брака, который последние сутки портил мне жизнь.

Хуже всего было «Ты меня помнишь?». Я не была уверена, что хочу услышать ответ.

Я сидела у иллюминатора, прижимая сумку к коленям, и снова мысленно возвращалась к письму адвоката. Официальный документ подтверждал то, что до сих пор казалось нелепой ошибкой: восемь лет назад я вышла замуж за Джейка Брауна, а теперь он жил в Нью-Йорке, на Пятой авеню.

Его имя не выходило у меня из головы.

Восемь лет назад оно было частью похмельного кошмара, от которого меня избавили отец, адвокат и обещание, что через несколько дней всё закончится. Теперь за этим именем стоял реальный человек, к которому я летела через всю страну просить о разводе.

— Вы впервые в Нью-Йорке? — спросила женщина рядом.

Я повернула голову. Она отложила вязание и посмотрела на меня с вежливым любопытством. Почти весь полёт она молчала, за что я была ей благодарна. Видимо, по моему лицу было понятно, что разговоры сейчас не входят в число моих потребностей.

— Нет, — ответила я после короткой паузы. — Но впервые приезжаю по такой причине. Она улыбнулась, хотя явно ничего не поняла.

И слава богу.

Объяснять незнакомой женщине, что я лечу через всю страну к мужу, о существовании которого восемь лет старалась не вспоминать, было бы слишком даже для меня.

Самолёт коснулся полосы мягче, чем я ожидала. По салону почти одновременно разнеслись щелчки ремней. Пассажиры включали телефоны, доставали сумки и торопливо натягивали куртки, словно несколько лишних секунд могли помочь им выбраться из самолёта раньше остальных.

Я тоже включила телефон и сразу увидела сообщение от Сары.

«Ты приземлилась? Не сбежала обратно в Сизтл?»

Я невольно улыбнулась.

«Приземлилась. Пока не сбежала.»

Ответ пришёл почти сразу.

«Прогресс. Позвони, когда сядешь в такси.»

От Эндрю новых сообщений не было. Последним всё ещё оставалось его вчерашнее:

«Напиши, когда приземлишься. И когда будет ясно по документам.»

Я ответила коротко:

«Приземлилась. Еду к нему. Позже напишу.»

Несколько секунд я смотрела на экран, ожидая, что внизу появятся три точки. Они не появились. Возможно, Эндрю прочитал сообщение и не нашёл, что ответить. А может, просто отложил телефон и вернулся к работе, потому что разбираться с таблицами было проще, чем думать о том, что его невеста едет к своему законному мужу.

Я убрала телефон в сумку.

В аэропорту имени Кеннеди пахло кофе, мокрыми куртками и усталостью людей, которые слишком долго провели в дороге. Я шла к выходу, крепко держась за ручку чемодана, и старалась выглядеть как женщина, у которой есть чёткий план. Получалось неплохо, пока раздвижные двери не открылись и я не увидела очередь жёлтых такси.

Нью-Йорк встретил меня холодным вечерним воздухом и непрерывным гулом машин. Город не заметил моего приезда и явно не собирался подстраиваться под чужую личную катастрофу. В Сिएтле дождь смягчал очертания домов и улиц. Здесь всё казалось резче и ближе: свет витрин, гудки, голоса, поток людей, которые двигались так уверенно, будто заранее знали, куда идут.

Я поймала такси и назвала адрес.

Водитель кивнул и не задал ни одного вопроса, за что я была ему искренне благодарна. Машина влилась в вечерний поток, а я прижала сумку к животу и позвонила Саре.

Она ответила после первого гудка.

— Жива?

— Пока да.

— Уже звучит тревожно. Где ты?

— В такси. Еду к нему.

— Сразу?

— А что мне делать? Сначала поужинать, принять ванну и написать мужу: «Извини, сегодня не успеваю, загляну завтра»?

— Честно говоря, это ненамного хуже твоего нынешнего плана.

Я посмотрела в окно. За стеклом тянулись огни вывесок, блестели после недавнего дождя тротуары. Нью-Йорку не было никакого дела до того, что моя жизнь за последние сутки успела перевернуться.

— Если я сначала поеду в отель, то передумаю, — сказала я. — Начну читать статьи о разводах в Неваде, позвоню отцу, потом Эндрю, потом тебе. К полуночи у меня будет нервный срыв и десять открытых вкладок в браузере.

— Справедливо. Тогда лучше сразу к мужу.

— Сара.

— Прости. К юридическому недоразумению с именем.

Она ненадолго замолчала. На заднем плане звякнула чашка.

— Ты боишься, что он окажется ужасным? — спросила она уже серьезнее.

Я хотела ответить сразу, но не смогла.

— Да, — произнесла наконец. — Наверное.

— Или боишься, что не окажется?

Я закрыла глаза. Вот за это я её иногда ненавидела.

— Мне нужно, чтобы он подписал документы. Больше ничего.

— Это ты сейчас мне объясняешь или себе?

Сара тихо усмехнулась, но продолжать не стала. Она всегда понимала, когда её вопросы переставали помогать и начинали действовать мне на нервы.

— Что ты вообще о нём помнишь?

Я открыла глаза.

Такси остановилось на светофоре. В соседней машине мужчина в дорогом пальто разговаривал по телефону и пытался удержать бумажный стаканчик, который всё время выскальзывал у него из руки.

— Только обрывки, — сказала я. — Бар, музыку, синий свет над стойкой. Помню, как он смеялся. На нём была кожаная куртка. Кажется, он уступил мне место у бара. А потом уже утро, кольцо и мой крик.

— И всё?

Я провела большим пальцем по ремню сумки.

— Нет.

— Николь.

— Я помню, что с ним было легко. До того утра.

Сара промолчала, и мне сразу захотелось забрать свои слова обратно.

— Это ничего не значит, — добавила я. — Мне было двадцать, я была пьяна. В таком возрасте легко почти с каждым, кто покупает тебе коктейль и вовремя улыбается.

— Возможно.

— Не говори таким тоном.

— Каким?

— Как психолог.

— Я вообще молчу.

На этот раз она рассмеялась, и мне стало немного легче.

Такси свернуло на Пятую авеню. Я выпрямилась и посмотрела в окно, хотя сама не знала, что ожидала увидеть. Наверное, небольшую съёмную квартиру или старый дом без лифта — что-нибудь достаточно обычное, чтобы Джейк и дальше оставался в моей памяти парнем из Вегаса. Случайной ошибкой, которую можно было вернуть в прошлое сразу после подписания документов.

Вместо этого машина остановилась перед высоким стеклянным зданием с тёмным навесом, мягкой подсветкой и швейцаром у входа.

Я медленно выдохнула.

— Сара.

— Что?

— Он живёт очень неплохо.

— Насколько неплохо?

Я посмотрела на фасад, охрану у дверей и отражение вечернего города в огромных окнах.

— Настолько, что моя уверенность только что решила вернуться в Сиэтл без меня.

— Дыши. Ты приехала не квартиру оценивать.

— Нет. Только испортить ему вечер.

— Лучше сегодня, чем всю ночь придумывать причины не подниматься к нему.

Я расплатилась, вышла из такси и подождала, пока водитель достанет чемодан из багажника. Холодный воздух сразу забрался под пальто. Взявшись за ручку чемодана, я ещё несколько секунд смотрела на вход.

— Мне пора, — сказала я.

— Ник.

— Что?

— Не пытайся сейчас всё сделать правильно. Просто скажи ему правду.

Я невесело усмехнулась.

— Ты понимаешь, что правда в этой ситуации звучит хуже любой лжи?

— Понимаю. Поэтому лучше сразу начать с неё.

Сара отключилась.

Я убрала телефон в сумку, поправила пальто и вошла в здание.

Вестибюль оказался тихим и безупречно ухоженным. Светлый камень, тёмное дерево, стекло, тонкие латунные детали. У стены стояла огромная композиция из белых цветов. Пахло дорогим парфюмом и той особенной чистотой, которая бывает только в местах, где жильцы никогда не задумываются, кто и когда моет полы.

За стойкой сидел мужчина в тёмном костюме. Он поднял на меня взгляд и вежливо улыбнулся.

— Добрый вечер.

— Добрый вечер. Я к мистеру Брауну.

— Он вас ожидает?

Вот и первая проблема.

— Не совсем.

Улыбка осталась на месте, но во взгляде появилась настороженность.

— Как вас представить?

Я открыла рот.

Можно было назвать имя и фамилию. Привычные, понятные, не требующие объяснений. Но в официальных документах рядом с именем Джейка Брауна стояло моё, и сейчас это имело куда больше значения, чем мне хотелось признавать.

— Николь, — сказала я.

Мужчина продолжал ждать.

Я крепче сжала ручку чемодана.

— Его жена.

Фраза прозвучала настолько нелепо, что мне захотелось оглянуться: вдруг где-то всё-таки спрятана камера.

Консьерж моргнул всего один раз. Нужно было отдать ему должное — лицо он сохранил безупречно невозмутимым.

— Одну минуту.

Он снял трубку, набрал номер и немного отвернулся, хотя я всё равно слышала его слова.

— Мистер Браун? К вам пришла посетительница. Николь — Он замолчал, слушая ответ.

— Да, сэр.

Консьерж положил трубку и снова посмотрел на меня. В его взгляде появилось любопытство, которого не смогла скрыть даже многолетняя профессиональная выдержка.

— Мистер Браун просил вас подняться. Лифт справа. Доступ на верхний этаж уже открыт.

Верхний этаж. Разумеется. Мой случайный муж не мог поселиться где-нибудь попроще и избавить меня хотя бы от этой подробности.

Я поблагодарила консьержа и направилась к лифту. Колёса чемодана стучали по гладкому полу громче, чем мне хотелось.

В зеркальных стенах кабины отражалась женщина, которая со стороны выглядела вполне собранной. Чёрное пальто, бежевый джемпер, тёмные брюки, распущенные волосы, пережившие пятичасовой перелёт и дорогу из аэропорта. Макияж тоже держался, хотя, подозреваю, исключительно из профессиональной гордости.

Я поправила ремень сумки.

— Просто скажи правду, — тихо напомнила я своему отражению.

Лифт поднялся слишком быстро.

Двери раздвинулись, открывая небольшой холл с тёмным полом, приглушённым светом и единственной дверью. Из-за неё доносились мужские голоса. Кто-то рассмеялся, второй мужчина что-то ответил. Джейк явно проводил вечер не в одиночестве и уж точно не ждал женщину, которая собиралась сообщить ему, что они до сих пор женаты.

Я постучала.

Голоса сразу стихли. Несколько секунд за дверью ничего не происходило, и я уже почти решила принять это за знак и уйти. Потом щёлкнул замок.

Дверь открылась. На пороге стоял Джейк Браун.

Я узнала его сразу, хотя Джейк совсем не походил на того парня, которого я помнила по Вегасу.

На нём были белая футболка, тёмные джинсы и расстёгнутая чёрная рубашка с закатанными рукавами. Волосы стали темнее или просто так казалось при мягком свете прихожей. На

лице появилась лёгкая щетина, плечи стали шире. За восемь лет он, конечно, изменился, но я почему-то не была к этому готова. В моей памяти Джейк так и остался двадцатилетним парнем в кожаной куртке, которого можно было связать с одной пьяной ночью и больше никогда не вспоминать.

Теперь передо мной стоял взрослый мужчина, и у него явно была своя жизнь, в которую я явилась без предупреждения, с чемоданом и новостью о том, что мы до сих пор женаты.

Несколько секунд Джейк молча смотрел на меня. Его взгляд задержался на моём лице, опустился к чемодану и снова вернулся к глазам.

— Николь.

Он произнёс моё имя тихо, но без удивления. Значит, узнал.

— Привет, — ответила я.

После восьми лет молчания, перелёта через всю страну и письма от адвоката ничего умнее мне в голову не пришло.

Джейк немного отступил, однако дверь шире не открыл. Похоже, ему тоже требовалось время, чтобы понять, зачем я стою на его пороге.

— Консьерж сказал, что пришла моя жена.

Щёки сразу обдало жаром.

— Прости. Я не знала, как ещё объяснить, почему меня нужно пропустить.

Из глубины квартиры кто-то выразительно кашлянул. Джейк слегка нахмурился, будто только сейчас вспомнил, что у нашего разговора есть свидетели.

— У меня друзья, — сказал он.

— Я могу уйти и вернуться позже.

— Нет.

Он ответил сразу, провёл ладонью по затылку и открыл дверь шире.

— Заходи.

Я переступила порог, потянув за собой чемодан, который в этот момент казался особенно неуместным.

Квартира была просторной, с панорамными окнами и видом на вечерний город. Тёмный деревянный пол, большой серый диван, кожаное кресло, книги на полках. Всё выглядело дорого, но здесь не было той безупречной пустоты, которая обычно встречается в интерьерах из журналов. На журнальном столике стояли стаканы, у консоли лежали ключи. Джейк не просто владел этой квартирой. Он в ней жил.

На диване сидели двое мужчин. Один из них, темноволосый, с открытым и явно заинтересованным лицом, поднял руку.

— Привет.

Второй мужчина почти лежал в кресле, держа в руке бокал, и разглядывал меня с ленивым любопытством, будто моё появление было неожиданным развлечением, о котором он пока не составил окончательного мнения.

— Это Николь, — сказал Джейк.

— Мы уже догадались, — отозвался мужчина в кресле. — После звонка консьержа вариантов было немного.

Джейк бросил на него предупреждающий взгляд.

— Шон.

— Я ничего не сказал.

Темноволосый мужчина поднялся с дивана и подошёл ко мне.

— Райан. Прости за всё это. — Он обвёл рукой комнату, очевидно подразумевая и друзей, и поздний визит, и всю ситуацию целиком. — Мы не знали, что ты придёшь.

— Я сама не была уверена до последней минуты, — призналась я.

Райан улыбнулся уже теплее.

— Тогда ты не одна. Мы тоже пока пытаемся понять, что происходит.

Я попыталась улыбнуться в ответ, но едва ли у меня получилось. Мне и без того было неловко находиться в квартире Джейка, а теперь за мной наблюдали ещё двое его друзей, которые явно знали о случившемся больше, чем мне хотелось.

Джейк взялся за ручку моего чемодана.

— Давай уберу.

— Спасибо.

Наши пальцы на секунду соприкоснулись, и я сразу отпустила ручку. Движение получилось слишком резким, но Джейк ничего не сказал. Он поставил чемодан у стены и кивнул на диван.

— Садись.

Я опустилась на край дивана, достала из сумки папку и положила её себе на колени. Взгляды всех троих тут же переместились на документы.

— Я понимаю, что всё это выглядит странно, — начала я.

Шон негромко усмехнулся.

— Хорошее начало.

Райан толкнул его носком ботинка.

Я глубоко вдохнула и посмотрела на Джейка. Сейчас мне было проще говорить только с ним и делать вид, что остальных в комнате нет.

— Вчера вечером мне позвонил адвокат. Мы с женихом готовим документы к свадьбе, и во время проверки выяснилось, что наш брак — Я запнулась, всё ещё не привыкнув произносить это вслух. — Тот брак, в Вегасе. Его не аннулировали.

Джейк несколько секунд смотрел на меня, затем перевёл взгляд на папку у меня на коленях.

— Что значит «не аннулировали»?

Он говорил спокойно, но уже без прежней растерянности.

— По документам мы до сих пор женаты.

Никто не ответил. За панорамными окнами светился вечерний город, снизу доносились гудки машин, а в комнате стало непривычно тихо.

Райан медленно опустился обратно на диван.

— Подожди. Но вы же тогда подали документы. Ещё в Вегасе.

— Я тоже была в этом уверена.

Джейк протянул руку.

— Можно посмотреть?

Я передала ему папку.

Он достал бумаги и начал читать. Я ждала, что Джейк быстро просмотрит первую страницу, найдёт какую-нибудь ошибку и скажет, что всё легко исправить. Но он внимательно изучал каждую строчку, возвращался к датам, несколько раз перечитал письмо адвоката. Его пальцы всё сильнее сжимали край листа, а на лице постепенно исчезло последнее недоверие.

Райан больше не улыбался. Даже Шон выпрямился в кресле и отставил бокал, перестав относиться к происходящему как к забавной истории.

— Чёрт, — тихо произнёс Джейк.

Это слово неожиданно вернуло меня в то утро. Яркое солнце за шторами, тяжёлая голова, дешёвое кольцо на пальце и Джейк, который сидел на краю кровати, смотрел на собственную руку и говорил почти то же самое.

Я сцепила пальцы на коленях.

— Когда ты узнала? — спросил Райан.

— Вчера вечером.

— И сразу прилетела?

— Да.

Шон потянулся к папке.

— Дай посмотреть.

Джейк передал ему документы не сразу. Несколько секунд он стоял с ними в руках, словно всё ещё пытался осмыслить прочитанное, потом отдал папку и отошёл к окну.

Он засунул руки в карманы и замер спиной к комнате. Я смотрела на него и впервые подумала, что до сих пор воспринимала случившееся только как собственную катастрофу. У меня была свадьба через четыре месяца, жених в Сиэтле и жизнь, которую требовалось как можно быстрее вернуть в прежнее русло.

Но у Джейка тоже была своя жизнь. И сегодня вечером я без предупреждения появилась на его пороге и сообщила, что восемь лет назад мы оставили незаконченной одну важную подробность.

— Мне жаль, — сказала я.

Он не сразу обернулся.

— Чего именно?

— Что я приехала вот так. Без звонка и предупреждения.

Джейк повернулся ко мне. Теперь он выглядел скорее уставшим, чем растерянным.

— Ты не виновата в том, что документы не оформили.

— Но именно я сейчас пришла и сообщила тебе об этом.

— Мы оба были в той часовне, Николь.

Шон поднял палец, продолжая читать.

— Восемь лет назад вы оба приняли крайне неудачное решение. Сейчас вам просто выставили счёт.

Я посмотрела на него.

— У тебя своеобразное представление о поддержке.

— Зато я не даю ложных надежд.

Райан кашлянул, скрывая улыбку.

Джейк подошёл к столу, забрал у Шона одну из страниц и снова пробежал её глазами.

— Здесь написано, что процедуру начали.

— Да, но окончательного решения суда нет. Мой отец был уверен, что всё закончилось. Я тоже. Тебе тогда что-нибудь присылали?

Джейк покачал головой.

— Нет. Я вернулся домой, там хватало своих проблем. Потом мне сказали, что всё улажено, и я не стал ничего проверять.

— Я тоже.

На несколько секунд между нами возникло неловкое чувство общности. Восемь лет назад мы оба с готовностью поверили, что кто-то другой уже исправил нашу ошибку.

Шон закрыл папку.

— Плохая новость в том, что спустя восемь лет аннулировать брак, скорее всего, уже не получится.

У меня внутри всё сжалось.

— Скорее всего?

— Я оставляю небольшую надежду на чудо. Но суд увидит дату регистрации и брак, который юридически существует восемь лет.

— Но мы никогда не жили вместе.

— При разводе это упростит дело. Для аннулирования одного этого недостаточно.

— У меня свадьба через четыре месяца, — сказала я и сразу пожалела, что произнесла это так поспешно.

Джейк поднял на меня глаза.

Райан отвёл взгляд, а Шон перестал переключать бумаги. Только Джейк продолжал смотреть на меня, и по его лицу невозможно было понять, что он сейчас думает.

— Через четыре месяца? — переспросил он.

— Да.

Он коротко кивнул и опёрся ладонью о край стола.

— Понятно.

Мне захотелось объяснить, что я люблю Эндрю, что приехала сюда только ради документов и не собираюсь вмешиваться в жизнь Джейка. Но сейчас эти слова прозвучали бы так, будто я оправдываюсь, хотя он ни в чём меня не обвинял.

Шон откинулся в кресле.

— Тогда вам нужен адвокат, который не теряет судебные решения, и судья в хорошем настроении.

— Адвокат у меня уже есть.

— Тот же самый?

— Нет, новый.

Я невольно рассмеялась. Джейк посмотрел на меня, и в уголках его губ на секунду появилась улыбка.

— Твой прежний адвокат был полным идиотом, — сказал он.

— Похоже, это единственное, в чём мы сегодня оба уверены.

Несколько секунд мы смотрели друг на друга, и напряжение немного ослабло. Потом я вспомнила о том, что лежало в сумке.

— Я ещё кое-что привезла.

Джейк вопросительно нахмурился.

Я достала маленький бархатный мешочек. Все эти годы он лежал в коробке с вещами, которые я не решалась выбросить, хотя никогда к ним не возвращалась. Развязав шнурок, я вытряхнула на ладонь дешёвое кольцо из двух переплетённых металлических полосок.

То самое.

Райан подался вперёд.

— Ничего себе.

Шон посмотрел на кольцо внимательнее.

— Ты его сохранила?

— Не знаю зачем, — призналась я.

Наверное, мне следовало выбросить его ещё в Вегасе или сразу после возвращения домой. Но кольцо переезжало вместе со мной из одной квартиры в другую и каждый раз оказывалось в новой коробке. Оно занимало так мало места, что о нём легко было забыть, а когда я всё-таки находила его среди старых вещей, выбросить уже не получалось.

Джейк ничего не сказал. Он подошёл к консоли у стены, открыл один из ящиков и достал небольшую деревянную коробку. Внутри лежало второе кольцо.

Я перевела взгляд с него на Джейка.

— Ты тоже его не выбросил?

Он взял кольцо и несколько секунд рассматривал его на ладони.

— Как видишь.

В его голосе не было ни смущения, ни попытки придать этому особый смысл. Скорее он и сам только сейчас задумался, почему кольцо до сих пор лежало среди его вещей.

Джейк положил его на журнальный столик рядом с моим. Два дешёвых кольца из Вегаса выглядели почти игрушечными. Восемь лет мы жили так, будто та ночь ничего не значила, а теперь её следы лежали перед нами рядом с официальными документами.

Я опустила глаза на свою руку. Бриллиант, выбранный Эндрю, ровно блестел под светом лампы. Рядом с ним старые кольца должны были казаться нелепой безделушкой. Но почему-то не казались.

Шон первым нарушил молчание.

— Ладно. Теперь всё стало ещё страннее.

Райан посмотрел на него.

— А до этого тебя ничего не смущало?

— До этого я ещё пытался убедить себя, что происходящему есть разумное объяснение.

Джейк сел в кресло и снова посмотрел на кольца. Через несколько секунд взял своё и попытался надеть, но оно остановилось на середине пальца.

— Уже мало, — сказал он.

— Восемь лет прошло, — заметил Райан.

Я снова посмотрела на кольцо, лежавшее на столе, и в памяти неожиданно возник короткий обрывок той ночи: слишком яркий свет, стеклянная витрина с дешёвыми украшениями, наши руки рядом и смех Джейка. Воспоминание исчезло почти сразу, но после него осталось беспокойство. Выходило, я помнила больше, чем привыкла думать. Просто все эти годы старалась туда не заглядывать.

— Моё, скорее всего, тоже не подойдёт, — сказала я.

— Попробуй, — тихо предложил Джейк.

Я подняла на него глаза. Он не улыбался и не пытался вложить в просьбу какой-то скрытый смысл. Наверное, ему, как и мне, хотелось понять, сохранилось ли от той ночи хоть что-нибудь, кроме документов и смутных воспоминаний.

Я сняла кольцо Эндрю и положила его рядом с папкой. При двух свидетелях это простое движение показалось мне слишком личным. Затем взяла старое кольцо и осторожно надела его на безымянный палец.

Оно подошло.

В комнате снова стало тихо.

Я разглядывала две переплетённые полоски металла, стараясь не придавать этому значения. Это было дешёвое кольцо, которое каким-то образом не потерялось за восемь лет и теперь случайно оказалось мне впору.

Только убедить себя в том, что это всего лишь совпадение, почему-то не получалось.

— Я кое-что помню, — неожиданно произнёс Райан.

Мы с Джейком одновременно повернулись к нему. Райан нахмурился, словно пытался восстановить подробности той ночи.

— Не саму церемонию. То, что было до неё. Вы стояли у автомата с кольцами, а Николь спорила с охранником, что невозможно выбирать кольцо через стекло, потому что брак — серьёзное решение.

Шон медленно повернулся к нему.

— Она сказала это перед тем, как выйти замуж в Вегасе?

— Кажется, да.

Я закрыла глаза.

— Господи.

Джейк негромко рассмеялся, хотя сам, похоже, не знал, как относиться к этому воспоминанию.

— На тебя похоже? — спросил он.

— К сожалению.

Я поспешно сняла старое кольцо и вернула на палец кольцо Эндрю. Бриллиант оказался на привычном месте, и всё снова должно было выглядеть правильно. Только теперь я слишком хорошо помнила, как легко наделось другое.

Джейк проследил за моим движением, но ничего не сказал. За это я была ему благодарна. — И что теперь? — спросила я у Шона, потому что смотреть на Джейка вдруг стало неловко.

— Теперь вам нужен нормальный адвокат. В понедельник можно запросить материалы дела и выяснить, есть ли хоть какая-то возможность завершить прежнюю процедуру. Но я бы не рассчитывал на аннулирование. Скорее всего, придётся разводиться.

Я опустила глаза на папку. Всё это время я называла случившееся ошибкой в документах, незаконченной процедурой, юридической путаницей. Развод звучал иначе. Для него требовался настоящий брак, а значит, признание того, что все эти восемь лет мы с Джейком были связаны не только одной неудачной ночью.

Джейк провёл ладонями по лицу и откинулся в кресле. Впервые за весь вечер он выглядел не растерянным, а по-настоящему уставшим.

— Мне нужно всё обдумать, — сказал он.

— Конечно. — Я ответила слишком быстро. — Я понимаю. Я и не думала, что ты сразу подпишешь документы или...

— Николь.

Я замолчала.

— Я тебя не обвиняю.

Он сказал это спокойно, без упрека. Я кивнула, но ответить не смогла. От его злости защищаться было бы проще.

— Спасибо, — сказала я.

Райан поднялся с дивана.

— Может, оставить вас вдвоём?

Шон тоже встал, допил то, что оставалось в бокале, и взял папку.

— Я ещё раз всё внимательно посмотрю. Но на чудо лучше не рассчитывать.

— Ты вообще когда-нибудь говоришь что-то обнадеживающее? — спросил Джейк.

— Только тем, кто очень хорошо мне платит.

Они отошли к кухне, оставив нас у окна. Не слишком далеко, но достаточно, чтобы сделать вид, будто не слышат разговор. По-своему тактично: дать нам немного пространства и не превращать происходящее в семейную драму.

Я встала и взяла сумку.

— Я остановилась в «Парк Лейн». — Я достала визитку отеля и протянула Джейку. — Здесь номер комнаты. Позвони, когда захочешь поговорить. Или если Шон что-нибудь выяснит.

Он взял карточку, и на секунду наши пальцы оказались совсем рядом.

— Когда ты улетаешь?

— Надеюсь, во вторник или среду. Если удастся всё решить.

Джейк кивнул.

Мне следовало попрощаться и уйти, но я почему-то медлила. Квартира больше не казалась просто дорогим пентхаусом незнакомого мужчины. В каждой детали было что-то от Джейка: книги на полках, стаканы на столе, друзья, которые чувствовали себя здесь как дома. Всё это окончательно разрушало удобную версию прошлого, в которой он оставался смутным воспоминанием о неудачной ночи.

Джейк Браун был не ошибкой, которую можно исправить одной подписью. Он жил своей жизнью все эти восемь лет, пока я старалась не думать о его существовании.

— Мне правда жаль, что я появилась без предупреждения, — сказала я. — И назвалась твоей женой консьержу.

На его лице впервые появилась настоящая улыбка, хотя и совсем короткая.

— Последнее было особенно неожиданно.

— Поверь, для меня тоже.

Он проводил меня до двери. Я потянулась к ручке чемодана, но Джейк опередил меня и вывез его в холл.

Мы остановились у лифта и несколько секунд молчали. Теперь эта тишина уже не была неловкой. Просто после разговора осталось слишком много того, что нельзя было решить сразу и убрать обратно в папку с документами.

— Странно снова тебя видеть, — тихо сказал Джейк.

Я подняла на него глаза.

В его голосе не было ни намёка, ни попытки вернуть нас к той ночи. Он просто произнёс вслух то, о чём я думала с того момента, как дверь открылась.

— Очень странно, — согласилась я.

Лифт приехал. Я вошла в кабину, поставила рядом чемодан и повернулась к Джейку.

— Я позвоню завтра. Или напишу.

— Хорошо.

Двери начали закрываться. В последний момент наши взгляды снова встретились. Джейк всё ещё стоял в холле, но теперь в его лице не было той настороженности, с которой он встретил меня на пороге.

Я отвернулась первой.

До вчерашнего дня он существовал только в нескольких смутных воспоминаниях и старой истории, которую я считала законченной. Теперь у него была квартира, друзья, привычки и жизнь, о которой я ничего не знала.

И кольцо, которое он почему-то сохранил.

Когда двери закрылись, я выдохнула и посмотрела на своё отражение. Пальто сидело ровно, помада не смазалась, документы снова лежали в сумке. Со стороны я выглядела вполне собранной, хотя пальцы всё ещё дрожали.

Я посмотрела на кольцо Эндрю. Бриллиант ровно блестел под холодным светом лифта. Оно было красивым, привычным и напоминало о жизни, к которой я собиралась вернуться.

Но я думала о дешёвом кольце из Вегаса, которое даже через восемь лет всё ещё было

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.